

Pesonen, 2022 – Pesonen R. Argumentation, cognition, and the epistemic benefits of cognitive diversity // Synthese. 2022. Vol. 200, №. 4. P. 129-145.

УДК 140.8

Хохлова Е. И.,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и культурологии,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.

Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков: философия кризиса культуры

DOI: 10.33979/2587-7534-2025-4-182-189

В статье рассматриваются воззрения русских религиозных философов конца XIX – первой половины XX веков Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова на проблему кризиса культуры. Бердяев и Булгаков размышляют о сущности кризиса культуры, характеризуют его проявления, ищут пути выхода из кризисного состояния культуры. Оба философа полагают, что кризис культуры – это кризис человека, потеря духовных опор существования человека в мире. Философы призывают прийти к новой парадигме мышления и ценностей, в центре которой будет человек как личность и духовное существо.

Ключевые слова: кризис культуры, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, русская религиозная философия, человек, личность, духовность.

Khokhlova E. I.,
Candidate of Philosophy, Docent,
Associate professor of Department of Philosophy and Cultural Studies,
Orel State University named after I.S. Turgenev.

N. A. Berdyaev and S. N. Bulgakov: The Philosophy of the Crisis of Culture

The paper examines the views of Russian religious philosophers of the late 19th and early 20th centuries, N. A. Berdyaev and S. N. Bulgakov, on the problem of the crisis of culture. Berdyaev and Bulgakov reflect on the essence of the crisis of culture, characterize its manifestations, and seek ways to overcome the crisis of culture. Both philosophers believe that the crisis of culture is a crisis of the human being, a loss of the spiritual foundations of human existence in the world. The philosophers call for a new paradigm of thinking and values that focuses on the individual as a person and a spiritual being.

Keywords: crisis of culture, Nikolai Berdyaev, Sergei Bulgakov, Russian religious philosophy, human being, personality, spirituality.

Введение и методология

Очевидно, что в попытке оценить состояние современной культуры у философов и ученых возникает мысль о кризисе, под которым имеется в виду некая «переоценка ценностей», утрата прежних ценностных ориентиров, исчезновение привычных смыслов, смена векторов духовного развития. Также очевидно, что ситуация кризиса не является абсолютно новой для культуры, являясь неотъемлемой частью процесса культурного развития как такового. Однако острое ощущение кризиса культуры обусловлено, вне всякого сомнения, серьезнейшими переменами конкретного исторического периода, значительными событиями политического, экономического характера, изменениями технологического свойства. Именно философы, «тонко» чувствующие мир, способные, по словам Ю. Хабермаса, «первыми почутить важное», ставят проблему кризиса культуры в центр своих размышлений. Весь XX век, с его глобальными, сложными и катастрофичными событиями, пронизан темой кризиса культуры в своей философии.

Мощное ощущение кризиса и соответствующая рефлексия содержатся в размышлениях русских религиозных философов конца XIX – первой половины XX века, представителей «нового религиозного сознания» эпохи Серебряного века отечественной культуры Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова. На наш взгляд, важно исследовать данные воззрения русских философов для того, чтобы вслед за ними осознать, что экономический кризис, политический кризис, нравственный кризис, экологический кризис, наконец, глобальный кризис современности – все это проявления феномена более глубокого свойства, а именно проявления кризиса культуры как кризиса человека, кризиса личности, кризиса человеческих отношений.

В статье рассматриваются размышления о кризисе культуры русских религиозных философов конца XIX – первой половины XX веков Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова; выявляется специфика трактовки кризиса культуры каждым из указанных авторов на основе интерпретации соответствующих текстов; осуществляется сопоставление позиций указанных философов; выделяются общие выводы о сущности кризиса культуры в воззрениях Бердяева и Булгакова. Таким образом, используются компаративистский, дескриптивный, герменевтический методы исследования.

Обзор литературы (источников)

Тема кризиса культуры объединила самосознание новейшей эпохи. Об этом писали философы как первой половины столетия, такие, как Н.А. Бердяев, Д. С. Мережковский, С. Н. Булгаков, Г. П. Федотов, В. В. Вейдле, в России и в послереволюционной эмиграции, О.Шпенглер, Х. Орtega-и-Гассет в Европе между мировыми войнами, а также философы второй половины XX века – К. Ясперс, Г. Маркузе, В. Беньямин, Ж. Бодрийяр и др. Все эти мыслители одинаково обеспокоены кризисом культуры как резким, крутым переломом в ее развитии, как тяжелым, переходным состоянием культуры.

В статье непосредственно используются работы Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова разных лет: Бердяев Н. А.: «Духовное состояние современного мира»

(1931), «Судьба человека в современном мире» (1934), «О рабстве и свободе человека» (1939). Булгаков С. Н.: «Чехов как мыслитель» (1904), «Под знаменем университета» (1906), «Венец терновый. Памяти Ф. М. Достоевского» (1907), «Народное хозяйство и религиозная личность» (1909), «Философия хозяйства» (1912), «Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л. Н. Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергий» (1912).

Философия кризиса культуры Н. А. Бердяева

В 1931 году Н. А. Бердяев в своем программном докладе «Духовное состояние современного мира» на съезде лидеров Мировой христианской федерации развел ключевые темы своей философии культуры. Центральным тезисом выступления стала диагностика тотального кризиса, охватившего не только социально-экономическую, но и духовную сферу, в результате чего «все стало проблематическим» [Бердяев, 2002: 657]. Философ, отождествлявший культуру с духовной жизнью, характеризовал современность как «эпоху духовной анархии». Это состояние утраты «твёрдых опор»: христианской веры, а позже и ее светских суррогатов — веры в прогресс, гуманизм, науку, демократию, различные политico-экономические утопии. Таким образом, кризис носит нигилистический характер, системно низвергая прежние ценности. Потеряв трансцендентную опору, человек, по Бердяеву, теряет веру и в самого себя. В поисках новой стабильности он создает «новых кумиров»: социальный коллектив и технику. Их тотальное господство ведет к материализации и машинизации бытия: личность подавляется, духовность ослабевает, а мир превращается в алгоритмический механизм, где машина властвует над природой и самим человеком. В итоге, для Бердяева-персоналиста кризис культуры — это, в первую очередь, антропологический кризис, кризис человеческого в человеке [Бердяев, 2006].

Кризис культуры, согласно мысли Бердяева, имеет в своем основании кризис человека как такового. Философ подчеркивает, что речь идет не о кризисе гуманизма как некоего миросозерцания, как ценностной позиции. Имеется в виду нечто более глубокое, онтологическое, экзистенциальное, так как, по словам философа, «ставится вопрос о том, будет ли то существо, которому принадлежит будущее, по-прежнему называться человеком» [Бердяев, 2003: 168]. Происходит «дегуманизация всех областей культуры и общественной жизни» [Бердяев, 2003: 168]. Привычный нам гуманизм, связанный с культурой Ренессанса, трансформируется в антигуманизм, который есть, по сути, «отрицание человека». «Современный гуманизм принимает формы бестиализма», отрицающего «ценности человеческого лица, всякого человеческого лица ... отрицание всякой сострадательности к человеческой участии» [Бердяев, 2003: 169]. Мировые войны, тоталитарные политические режимы XX века со всей наглядностью демонстрируют выводы философа.

Развивая свою диагностику кризиса, Н. А. Бердяев обращается к его важнейшему социальному измерению — феномену массовизации или демократизации культуры. Согласно философу, в современную ему эпоху в культурную жизнь вступают «огранные человеческие массы», что приводит к

радикальному перерождению её внутренних принципов. Изначально, по Бердяеву, культура представляла собой живое и напряженное единство двух начал: аристократического, отвечающего за качество, высоту и духовную утонченность, и демократического, несущего функцию жизненной широты и социальной энергии. Однако в условиях кризиса это хрупкое равновесие рушится. Аристократическое, элитарное начало оказывается подавленным и вытесненным началом демократическим, которое философ иерархически определяет как низшее. В результате происходит фундаментальный сдвиг: «качество» культуры замещается «количеством», духовная «высота» — безликой «широтой», а её сущностная духовность подменяется плоским, вульгарным материализмом.

Именно эти «демократические массы», по убеждению Бердяева, становятся новым субъектом и одновременно объектом культурного творчества, навязывая ему свои характерные черты. К их числу философ относит безличность и анонимность, возведение массовости в стиль жизни, мифологический, дорациональный тип сознания, а также практический атеизм. Культура, рожденная из этого массового сознания, по своей природе враждебна личности, ибо она, как пишет Бердяев, «отрицает личное сознание, личную совесть, личное суждение» [Бердяев, 2002: 665]. Идеи гуманизма и культурного предания остаются чуждыми массе, что делает происходящие процессы смертельно опасными для личности [Бердяев, 2002: 666]. В бердяевской перспективе этот триумф массовой демократии в культуре смыкается с диктатом техники и экономики. Личность, утратившая духовные ориентиры и автономию, окончательно превращается в инструмент технико-производственных процессов, а высшие формы духа — наука и искусство — низводятся до уровня служебных функций, призванных обслуживать бездушный механизм материального производства. Таким образом, демократизация обрачивается не расцветом, а тотальным обезличиванием и материализацией культурного бытия.

Философия кризиса культуры С. Н. Булгакова

Схожую, хотя и обладающую своей спецификой, диагностику кризиса культуры даёт в своих трудах С. Н. Булгаков. Философ и богослов усматривает суть происходящего в глубоком антропологическом сдвиге, коренящемся в отпадении человека от религиозного основания жизни. Булгаков с тревогой констатирует утрату живой религиозной веры как центральной оси, вокруг которой исторически кристаллизовалась европейская культура. Образовавшийся духовный вакuum, по его мнению, стремительно заполняется принципами «экономизма» и утилитарного рационализма, которые становятся новыми кумирами и универсальными критериями ценности. В результате культура, лишённая своей трансцендентной перспективы, вырождается в плоскость бездуховного и по сути аморального практицизма.

Характеризуя современного ему человека, Булгаков вводит важное понятие «социологического» подхода к жизни. Этот подход предполагает веру во всесилие внешних, социально-политических реформ и технических усовершенствований при полном игнорировании необходимости внутреннего,

духовного преображения личности. Такой утилитаризм ведёт к тотальному «механизированию» жизни, в котором, как отмечает философ, «теплота личных отношений вытесняется общественно-утилитарным рационализмом» [Булгаков, 1993: 256]. Культура, утрачивая своё гуманистическое содержание, превращается в обезличенный социальный механизм.

Как мы видим, для Булгакова кризис культуры – это, в своей глубинной сути, кризис антропологический, прямо вытекающий из катастрофического выбора человека «устроиться» в мире самостоятельно, «без Бога». Философ находит яркое подтверждение своих идей в русской литературной классике, видя предчувствие этого кризиса в бунтующих «человекобожеских» героях Ф.М. Достоевского, в апатичных и «серых» типажах А. П. Чехова, в беспощадных описаниях нравственного «дна» и «человекозверя» у Л. Н. Толстого [Булгаков, 1993а; 1993д; 1993е]. Для Булгакова эти художественные образы становятся не просто отражением, но и пророческим свидетельством духовной катастрофы, где потеря связи с Абсолютом оборачивается распадом человеческого в человеке и самой ткани культуры.

В философской системе С. Н. Булгакова кризис культуры обретает характер тотального мировоззренческого катаклизма, корни которого он видит в триумфе атеизма, нигилизма и материалистического миропонимания. Эта духовная дезориентация, по его убеждению, стала глубинной причиной социальных катастроф XX века: опустошительных войн и революций, которые философ интерпретирует как следствие утверждения в общественном сознании опасных «идейных фантомов», подменяющих собой подлинные религиозные и нравственные ценности. В такой ситуации культурное творчество утрачивает свою высшую цель, переставая быть служением трансцендентному идеалу, а хозяйственная деятельность лишается сакрального смысла, переставая быть «общественным служением и исполнением нравственного долга» [Булгаков, 1993б: 366].

Отталкиваясь от собственного видения культуры как одухотворённого хозяйства, Булгаков помещает в эпицентр культурного процесса человеческую личность с её уникальным внутренним миром, нравственными стремлениями и духовными потребностями. Именно личность, а затем и совокупное человечество, выступает главным субъектом, который «живет, хозяйствует, творит культуру» в постоянном и напряжённом усилии, борясь «с механизмом природы и общественных форм в целях приспособления их к потребностям человеческого духа» [Булгаков, 1993б: 347]. Таким образом, культура предстаёт не как набор артефактов, а как динамичный процесс очеловечивания мира, где материальное преобразование всегда подчинено духовному замыслу.

Исходя из этой предпосылки, Булгаков резко критикует редуцирующую логику «экономического сознания», стремящегося свести всё богатство культурной жизни исключительно к материальным аспектам и утилитарным расчётам. В противовес этому он утверждает органическое и нерасторжимое единство материального и духовного в подлинном культурном творчестве, при безусловном примате начала духовного. Более того, философ настаивает на

прямой зависимости характера материальных потребностей и способов их удовлетворения от высоты духовного развития человека и общества. С этой точки зрения, сущность кризиса культуры заключается именно в роковом разрыве и дисбалансе этих двух начал. «Болезнь» современной ему эпохи Булгаков диагностирует как гипертрофию материального, забвение духовного измерения и возведение экономико-утилитарных принципов в абсолют, что ведёт не к расцвету, а к вырождению культуры как таковой.

В завершающем фокусе своей критики С. Н. Булгаков определяет кризис культуры, прежде всего и главным образом, как глубочайший нравственный кризис. Его наиболее болезненным симптомом становится тотальная этическая дезориентация, выражаясь в равнодушии к внутреннему миру другого, в утрате чуткости к запросам и страданиям индивидуальной человеческой души. Современность, по его наблюдению, отмечена характерной «нечувствительностью» к душевной боли ближнего, что свидетельствует о внутреннем оскудении и распаде подлинной общности. Этот нравственный распад, согласно Булгакову, есть прямое порождение безрелигиозного, «человекобожеского» сознания, которое, возведя коллективный субъект (будь то класс или нация) в абсолют, низвергает общечеловеческие ценности и универсальные нравственные нормы. Этика подменяется целесообразностью, а долг – групповым интересом, что разрушает сами основы личной ответственности и со-бытия. В результате возникает специфическая духовная атмосфера, которую философ описывает почти как физиологическое состояние: культура оказывается в «безвоздушной атмосфере», атмосфере «уныния и недоумения». В этом разреженном моральном пространстве, как образно замечает Булгаков, «колеблется самая вера в жизнь и в человека». На смену созидальному усилию приходит разрушительное равнодушие, которое, парадоксальным образом, может перерастать в «нигилистическое ухарство и какую-то страшную игру со смертью» [Булгаков, 1993в: 284]. Таким образом, кризис нравственности оборачивается экзистенциальной катастрофой – утратой смысла бытия и инстинкта жизни, что является для Булгакова конечным и самым трагическим свидетельством глубины культурного падения. В его интерпретации культура, лишённая живого нравственного чувства и религиозного стержня, не просто деградирует – она создаёт среду, враждебную самому человеческому в человеке.

По Булгакову, именно религиозное переживание, личный религиозный опыт лежит в основе нравственности, в частности, и в основе культуры в целом. Для того чтобы проникнуть в суть религиозного переживания, нужно изучать жизнь святых, подвижников, пророков, изучать религиозный культ. Подчеркивая огромное значение личного религиозного опыта в культурном возвышении человека, Булгаков приводит примеры своих «встреч» с божественным. Так, он пытается показать свое «переживание Бога» в отчаянном выражении своего горя по поводу безвременной смерти сына Иващечки. У тела своего ребенка он открывает высший мир, ощущает свое сопричастие мучениям Христа, открывает для себя всечеловеческую боль. Люди, потерявшие Бога или

не пришедшие к Нему, лишены подлинно человеческой, подлинно гуманистической сущности, не являются культурными в подлинном смысле. «Холод» скептического рационализма, атеизм ведут к потере культуры во всех смыслах. С позиции Булгакова, религиозное переживание раскрывает внутреннее богатство личности, ее стремление к любви, страданию, глубокой эмоциональной жизни. По убеждению философа, глубина религиозного переживания имплицирует нравственную культуру личности, обусловливает желание и умение «болеть» чужими «болезнями», сопереживать страданиям других, что в концентрированном виде выражается в сопричастии каждого через религиозное переживание крестным мучениям Христа. В глубине религиозного переживания преодолеваются эгоистические и индивидуалистические мотивы, возникает ощущение существования того, что «превыше всякой субъективности», т.е. реальности Бога. Через личный религиозный опыт человек рефлексирует о том, что значит понимать другое и прощать других, какова цена наших ошибок и покаяний. Именно так формируется сама личность человека, оформляется человеческое духовно-личностное содержание или духовная культура, главной составляющей которой видится философу глубина нравственно-эмоциональной жизни. Утраты такой глубины в человеке является важнейшим симптомом кризиса культуры.

Общее и особенное в воззрениях Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова на кризис культуры

В поисках путей преодоления культурного кризиса Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, при всей близости их диагноза, предлагают решения, лишённые поверхностного оптимизма. Поскольку оба мыслителя видят суть кризиса в антропологической катастрофе, то и выход из него связывают с радикальным внутренним перерождением человека. Для Бердяева сценарий будущего остается трагически открытым. Он не исключает возможность духовной и культурной гибели человечества, если в нём не пробудится «воля к культуре» как воля к высшему, творческому преображению бытия. Источником и гарантом такой воли философ-экзистенциалист видит исключительно возвращение к религиозной вере, которая одна способна восстановить разорванную связь с духовной основой человека и, следовательно, с подлинным основанием самой культуры. Без этой метафизической опоры любая «воля» обречена оставаться волей к самоутверждению, а не к творчеству.

Булгаков, в отличие от Бердяева, избегает апокалиптических прогнозов о тотальной гибели, акцентируя внимание на имманентных возможностях исцеления. Однако он полностью солидарен с коллегой в признании решающей роли религиозного возрождения. Философ говорит о необходимости «религиозного оздоровления» общественного и индивидуального сознания как фундаментальной предпосылки выхода из тупика. Только вера, наполняя жизнь нравственным смыслом, способна задать культуре верный вектор – преображение мира в интересах конкретного, живого человека. При этом Булгаков, признавая двуединую духовно-материальную природу человека, недвусмысленно утверждает примат духовного начала, которое одно и

обуславливает подлинность и жизнеспособность любого культурного творчества. Таким образом, оба мыслителя видят спасение не в социальных реформах, а в глубинной духовной революции, возвращающей человека к его экзистенциальному и религиозному истокам.

Заключение

Таким образом, решая вопрос о сущности кризиса культуры и возможных путях его преодоления, Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков, русские философы Серебряного века, демонстрируют свою мировоззренческую (а именно – религиозную) позицию. Однако и нам, людям, живущим через столетие, людям, мировоззренчески весьма отличающимся друг от друга, эти философы показывают некие ориентиры, осмыслив и приняв которые, мы, возможно, преодолеем кризисную ситуацию в культуре. Думается, некое послание, которое они оставляют нам в своих рассуждениях, можно выразить следующим образом: кризис культуры – это кризис самого человека, теряющего свое подлинно человеческое начало. Причины кризиса культуры – в нас самих, в нашем типе мышления, в нашем видении целей и смыслов. Русские философы призывают нас прийти к новой парадигме мышления и ценностей, в центре которой будет человек, его жизнь, его духовность, где диалог и умение услышать другого станут рассматриваться как главный способ человеческого взаимодействия.

Список литературы

- Бердяев, 2002 – *Бердяев Н. А. Духовное состояние современного мира // Смысл творчества: Опыт оправдания человека.* М.: «АСТ ФОЛИО», 2002. С.657-670.
- Бердяев, 2003 – *Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи // Бердяев Н. А. Дух и реальность* М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. С.159-226.
- Бердяев, 2006 – *Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека // О назначении человека, О рабстве и свободе человека.* М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
- Булгаков, 1993а – *Булгаков С. Н. Венец терновый. Памяти Ф. М. Достоевского // Сочинения.* М.: Наука, 1993. Т.2. С. 222-239.
- Булгаков, 1993б – *Булгаков С. Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Сочинения.* М.: Наука, 1993. Т.2. С. 343-367.
- Булгаков, 1993в – *Булгаков С. Н. Под знаменем университета // Сочинения.* М.: Наука, 1993. Т.2. С. 273-285.
- Булгаков, 1993г – *Булгаков С. Н. Философия хозяйства // Сочинения.* М.: Наука, 1993. Т.1. С.49-311.
- Булгаков, 1993д – *Булгаков С. Н. Чехов как мыслитель // Сочинения.* М.: Наука, 1993. Т.2. С. 131-161.
- Булгаков, 1993е – *Булгаков С. Н. Человекобог и человекозверь. По поводу последних произведений Л. Н. Толстого: «Дьявол» и «Отец Сергий».* // Сочинения. М.: Наука, 1993. Т.2. С. 458-498.